

Ковчег-2020

A three-masted sailing ship with brown sails is shown on a dark, turbulent sea under a cloudy, overcast sky. The ship is positioned in the lower right quadrant of the image. The overall mood is dramatic and somber.

*Стихи и проза
костанайских авторов*

Анатолий Корниенко

**Ковчег-2020. Стихи и проза
костанайских авторов**

«Издательские решения»

Корниенко А. А.

Ковчег-2020. Стихи и проза костанайских авторов /
А. А. Корниенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981166-0

Региональное литературное объединение «Ковчег» организовано В. Л.
Растёгиным в 1995 году. В этом году объединению исполнится 25 лет. Этот
сборник юбилейный.

ISBN 978-5-44-981166-0

© Корниенко А. А.
© Издательские решения

Содержание

Составитель А. Корниенко	6
От составителя	7
Посвящается Владимиру Леонидовичу Растёгину	8
Растёгин Владимир Леонидович	9
Евгений Викторович Демидович	16
Петрова Марта Викторовна	24
Капашев Марат Кабдуалиевич	32
Корниенко Анатолий Аркадьевич	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ковчег-2020

Стихи и проза костанайских авторов

Составитель Анатолий Аркадьевич Корниенко

ISBN 978-5-4498-1166-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОВЧЕГ –

2020

Избранные стихи и проза

Составитель А. Корниенко

Региональное литературное объединение «Ковчег» организовано В. Л. Растёгиным в 1995 году. В этом году «Ковчегу» исполнится 25 лет. Этот сборник юбилейный. И 3 года, как умер Владимир Растёгин.

Авторы:

В. Растёгин

Е. Демидович

М. Петрова

С. Серткалиева

А. Удовицкий

М. Капашев

Т. Спивак

А. Спивак

А. Корниенко

Г. Максимова

А. Антонов

Л. Голубева

Н. Ковтун

С. Онча

Е. Преображенская

О. Дубиковская

В. Пыжевский

©Ковчег

2020 г.

От составителя

Три года назад УМЕР ПОЭТ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ РАСТЁГИН. Через 180 лет после смерти великого А. С. Пушкина почти день в день – 15 февраля.

«Ковчег» уже 3 года без Владимира Растёгина, известного в Казахстане и за рубежом Костанайского литератора, председателя общественного объединения – Ассоциации литераторов Северного Казахстана, главного редактора литературно-художественного журнала «Берега kz», руководителя регионального литературного объединения «Ковчег» и молодёжного объединения «Крылья»,

Он один создал все эти литературные объединения и «КОВЧЕГ» его детище и все мы его ученики и последователи. Владимира Растёгина мы помним не только как прекрасного поэта и организатора литературной жизни в Северном Казахстане, отдававшего всю свою жизнь служению русской литературе и самому прекрасному её воплощению – ПОЭЗИИ. Мы сейчас, читая и обсуждая его стихи, понимаем, что от нас ушёл русский казахстанский поэт-классик, которого будут читать, изучать и помнить не только мы, но ещё многие поколения любителей русской поэзии. Он автор 12-ти сборников стихов, автор, вышедшего перед его кончиной трёхтомника «Избранные стихи», автор многочисленных статей в литературных журналах и прессе, создатель «Антологии современной костанайской поэзии». Лауреат многих региональных литературных конкурсов в том числе конкурса меценатов. Награждён медалями за литературный подвиг от АЛСК. Это был скромный, но очень энергичный человек, болеющий литературой, отдававший всё время служению ей. Как всегда бывает с высокоталантливыми людьми, он многим был неудобен и подвергался молчаливому, а порой и откровенному неприятию. Но он непреклонно шёл к признанию и победил. Этому свидетели многочисленные его последователи, как в Казахстане, так в России, в Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении, Эстонии, Швеции, Франции Великобритании, Германии, Израиле, Мексике. Он организовал это сообщество прекрасных людей – поэтов, прозаиков, которые участвовали в международных конкурсах и в качестве конкурсантов, и в качестве членов жюри. И мы, его друзья и молодёжь, вышедшая из-под его крыла благодаря его победе сейчас получили признание в областной литературной среде, возможность общения друг с другом и с читателями «Толстовки», проводить конкурсы, семинары, литературные чтения. Особая заслуга Татьяны Ковальской – нового руководителя «Крыльев» и координатора литературного процесса. Созданная ей новая «крылатая» армия молодых поэтов настолько большая и талантливая, что их произведения не вошли в этот сборник. Совместно с бывшими «крыльевцами» – прекрасными поэтами и прозаиками – членами «Ковчега» и «АЛСК»: Александром Колесниковым, Александрой Лыковой и Алексеем и Ангелиной Ковалёвыми, и др. будет создана другая КНИГА, в которой будут прекрасные стихи и проза.

Огромная благодарность авторам, чьи стихи и проза вошли в данный поэтический сборник. Это авторы разных возрастов и специальностей. Сборник уникален тем, что благодаря этой разности, можно ощутить внезапные литературные открытия, почувствовать экзотику в обычных вещах, наполниться энергией чувств, переживаний авторов. Кто-то, как поэт Сергей Есенин, разговаривает с берёзкой, кто-то пишет о подвигах «авганцев», кто-то выращивает новые сорта картофеля, кто-то выращивает «культуру», кто-то лечит людей или воспитывает детей, внуков или выдаёт читателям книги, или пишет умные тексты, или просто «пашет» и добывает как Владимир Маяковский необходимую всем «словесную руду», а потом ловит рыбу и поёт свои песни. Всё это вы прочтёте или почувствуете в этой книге. А главное наверно это то, что все они любят жизнь, и хотят передать эту любовь читателю.

Посвящается Владимиру Леонидовичу Растёгину

Растёгин Владимир Леонидович

* * *

Синичка, маленькая птичка,
твой чёткий очерк, юркий звук
сгорает среди снегов, как спичка,
аллеи празднуя досуг.

Железом по стеклу петь в голос
попробуй до ночной звезды,
когда затяготится логос
доступной смыслу наготы.

Так почему же, почему же,
как откровение души,
тот странный писк в морозы нужен,
кому нужна основой жизнь.

И, значит, прав миропорядок,
что дан тем птичкам от Творца,
лелеять взор и тешить взгляды,
вернее, в стужу греть сердца.

* * *

Всего-то надо объясненье,
чтоб взгляд был знаком в другоряд,
а дружба, как заклад без денег,
когда не понят – говорят.

По направлению в одиночку
идти к холодным полюсам —
не значит ли, поставить точку,
ослепнуть в белизне глазам.

Мы ностальгируем по будням
о выходном, что не пришёл,
уверявши – раз смертны люди,

так каждый сам себе большой.

И каждый в одиночку тужит,
рутиной горькую пия,
а одиноким быть за дружбу,
равно, как злату не сиять.

Мы, к сожалению, не птицы,
нам стайей не встаёт заря.
Всего-то надо – объясниться
хотя б, о том не говоря.

Десь инкунабулы, – как тля ей
прикосновенья. Хуже трат
в пыли библиотек гуляет
околоречевой разврат.

Скудеют старческие плечи,
они не подлинны без дел,
в проулках злых противоречий
и Фауст, верно б, поседел.

Труды, что отдадут младенцам
от их самовлюблённых пра-,
пристрастием не тронут сердце,
когда судьбу слепит игра.

Поэзия, мы жизнью платим,
нам ветер не щекочет нос,
за радость не полушки ради,
за боль шипов венка из роз.

Ты, зашифрованная Богом,
ведёшь в ненастья, в уют,
где этой речью, шифром-слогом
нам с неба ангелы поют.

Переборов в себе терпимость,
я крикну, выйдя в снегопад:
Не попадёшь в меня, я – мимо
тебя и всех, кто мне не рад!

Слепая колкая досада
иных полощет, как вода,
а мне как будто горя надо,
дразнить собак – моя беда.

Клыками полосуйте сплетен,
кровавый заметайте след,
злым пеплом, что подарок Лете,
хромой тщетою своих побед.

От вас не скрыться, пятой точкой
припаянные вы в свой стул,
а мне бежать в буран за строчкой
сквозь снега вал и ветра гул.

От вас я – мимо, мимо, мимо,
как в понимании пробел,
и где предел мне – Бог вестимо,
а вам пределом – беспредел.

Возраст любви

Двух одиночеств закавыка
и скорой близости затор —
привычка ёжиться и выкать,
и говорить совсем не то.

С налётом чувственного страха
искать для встреч любой предлог,
идти друг к другу, как на плаху,
под стук сердец, не чуя ног.

Что нас роднит в судьбе, что разнит
в том вряд ли кто-то виноват.
Наш разговор, как тихий праздник —
в молчанье слышится виват.

И столько смысла меж словами,
как световых лет про меж звёзд...
Два берега, и вот над нами
уже проложен первый мост.

Его лелеем мы и тешим
себя, что он спасенья суть,
с ним все превратности и бреши
исчезнут вдруг когда-нибудь.

Со стороны, как вид недуга,
привязанность иль эпатаж:
и жить нельзя нам друг без друга
и хлипок этот мостик наш...

Всё об осени

Всё об осени... Все об осени
разговоры, стихи. И стихи,
словно камешек в воду бросили
на приманку сердец глухих.

Рукотворное стихобедствие
тридевятых страшней валов —
обостренье
до сумасшествия
не привыкших терять умов.

Все от дворников да вершителей
чудных дел, чья тверда стопа,
вдруг почувствовали, увидели, —
как листва тает их судьба.

У природы есть провокации,
есть моменты, когда она
у страстей проверяет фракции:
как, зачем и какого рожна?

Только осенью мир в катарсисе,
каждый мокнет в её вине,
через год чтобы в том же градусе
петь, как Бог положил, о ней.

* * *

Не продаётся вдохновенье,
но рифму требует отдать
за золото листвы осенней
святая парка благодать.

Попробуй не пойдёшь на это —
не подвести ни в чём черты,
скудельником пойдёшь по свету,
не понимая красоты,

ни в чём не ощущая славы
невиданной до сих поры,
смыв листопадные октавы
печалью – правилом игры.

Что значим мы в ней,
сходу вызнай!
Природа мимо нас идёт
как ей задумано, капризный
наш норы не беря в расчёт.

Она берёт своё в потребе

и отдаёт, за что взяла,
не мы её, она нас терпит
сгорая осенью дотла.

* * *

Огонь загородительный
обид не трать в себе,
он отметёт губительно
твой праведный успех.

Назло, мстя и свирепствуя,
душа найдёт надлом.
Есть в мире сила крестная —
отмщение за зло.

И слово, что воробышком
сорвётся невзначай,
вернётся, как хворобушка,
чтоб рубануть плеча.

Живи, весь век кумекая
как обойти Содом...
Есть в мире сила некая —
за зло платить добром.

* * *

Случай выпал родиться,
быть на этой земле
человеком, не птицей,
но о том не жалеи.

Крыльев Бог всеу не дал;
только как не взгляни,
у души где-то в недрах
всё равно есть они.

Их найти и расправить
должен каждый в себе,
воспарив мыслью к славе
под небесный пробел.

Всем присуще нам свойство
стать, как славный Икар,
отличиться геройством —
от рождения дар.

Пусть сочтётся за пафос
эта речь. Хуже – нить!
Пешим быть, словно страус,

тучной курицей быть.

Растреножьте усилья, —
через тучи – на свет!
Да несут ввысь вас крылья,
как без них жить, поэт!

* * *

Да, полон мир несовпадений,
но откровеньем иногда
к нам ласточка влетает в сени
и ток стыкует провода.

Любви ни возраст и ни сроки
не в счёт; есть право у души
слагать до судных дней эклоги
на равных с вечным правом: жить.

И осенью вдруг распускают
цвет вишни пуще, чем в весну,
пусть им ветра с широт Бискайя
грозят расправой за вину.

Разбросаны, как половинки
одной судьбы, одной зари,
мы, словно Кай, сдвигаем льдинки,
чтоб слово «вечность» сотворить.

* * *

Пришла пора быть горьким
как рябина
перед осенним холодом зари,
со счёта сбившись века серпантина,
что не сбылось, о том не говорить.

Пришла пора ответственать за Дело,
за Слово дань отплачена давно.
Оно когда-то зубом отболело,
с годами стало крепче, как вино.

Ночами пусть названья
дальних станций
зовут мечтою, как заветный приз,
пришла пора таким
как есть считаться,
не до показов мод,
не до харизм...

Из окна – в ночь

Разлетается муть, и глухой чернозём
ночи кажется мозгом Софии.
Мы когда-нибудь все в эту лузу уйдём,
как шары под ударами кия.
Вот и время писать мемуары, Года!
Я доверю бумаге наследство,
если много горланишь, гори, мол, звезда,
значит вечная ночь не по сердцу.

И с глотком ли спиртного, с надсадою ли,
где глумились в степях наших гунны,
припишу я к своей единице нули,
наберу вечных бубликов лунных.
Ну, протрите же зреньё. Не видеть не зги
Им позволил один лишь Сусанин.
Если взгляд оттянул у пространства соски,
то не зреет ли буря в стакане?

И в бесшумной ночи ты увидишь свой страх
Как огонь двухфарный совиный,
Как корабль ищется жизнь в неизвестных мирах,
так и он доконал наши спины.
Унесёт звездолёт наши сны от Земли,
Ночь распишет, где альфа, где бета,
ты на сто лиц тогда будешь не разделим,
это ночи бессонное кредо.

И в дремотной тиши появляются ныне изъяны,
лишь листва зашуршит обделённым стареньем своим,
грусти не передав. Поклонитесь неведомым странам,
там в отсутствии зим, вновь весны зарождается гимн.

Здесь же всё как всегда: князь Болконский убит будет в осень
и Герасим утопит в смирительных водах Муму,
бабье лето, как юность, уйдёт по тропинке в межгрозье
и захнычет Ерёма, дождями напомнив Фому.

Только эти ветра, свет и лёгкие зиждющий воздух
Не засунуть в карман и не спрятать в шкафу про запас,
как святейшую радость иль слезоточивую прозу,
как от первой любви недосказанный тихий отказ.

Будем дни коротать мы себе доверяя не очень,
будем из ничего делать будней стремительней шаг
и смотреть за окно, в штормовые, бессонные ночи,
пропадать среди строчек и шорохов наших бумаг.

Евгений Викторович Демидович

* * *

*«Свет одиночества в окне
всю ночь горит, не угасает...»
(Владимир Растёгин)*

Ночами светится окно
на мир взирает одиноко.
Чудовища больного оком
порою чудится оно.

Всю ночь чудовище не спит,
ворочается, жарко дышит.
На небо смотрит и на крыши,
свой набирает аппетит.

Оно потребует себе
к утру положенную жертву.
Наполни же скорей фужер твой
и не печалься о судьбе.

Нам ничего не изменить,
когда судьба дана нам свыше.
Мы можем лишь её услышать,
в руке нащупать жизни нить.

Держи её, не выпускай
из рук своих, назло ироний.
Пусть озабочен карк вороний
проблемой верного куска.

Души на лозунги не трать —
водой уйдёт в песок Тобола...
точнее, Леты... Но оболком
стихов останется тетрадь.

Озноб проходит по спине —
с ночной реки тревожный ветер.
Кого-то, может быть, приветит
свет одиночества в окне.

Разговор об искусстве

Я не писал стихи целую вечность...
и потерял форму, и содержание.
Знаю, искусство не терпит простоя... оно, конечно...
ну а точнее, – оно бесконечно. Я это знаю!

Знаю ещё, что оно уступает жизни
(в «схватке за жизнь» «не на жизнь, а на смерть»);
только не дал бы за жизнь я и свой мизинец,
а за искусство пошёл бы... Хоть «курам на смех»
я бы пошёл, или на мыло – шеям,
собственной шее – на мыло и на верёвку...
Это метафоры только... меня нежнее
трудно найти и преданней той чертовке,
что называют жизнью, люблю её я!
(Речь не о той, что бьёт и имеет хватку,
жизнь как омоним жизни: зовясь любовью,
жизнь вступает лишь в схватку
со смертью и в родовые схватки).

...только лишь слово. Другой разговор – искусство,
есть оно, есть; и ни съесть его, и ни выпить,
и целовать его, и обнимать до хруста
также нелепо, как сахар на рану сыпать...

Знает любая девочка, в юбочке и сандалиях,
раны и огурцы посыпают солью.
Не потеряться не просто в прекрасных далях —
в этих глазах – как озёра, как лес и поле.

В этих глазах полыхают-горят закаты,
и зажигают во встречных сердцах рассветы...
Так и искусство, которого, знаю, хватит,
чтобы зажечь все светила и все фонари на свете.

Что есть искусство, которого нам не выпить,
как ни пытайся выпить его с друзьями?
Может, искусство красной подобно сыпи,
если болезнь Прекрасной подобна Даме.

* * *

В тёмной комнате... может, квартиры... «хрущёвки»...
может, отеля на каком-нибудь Парк-авеню...

мы, побросав с себя лишнее – джинсы, футболки, кроссовки, —
слились губами... и чувствовал я – как прикасаюсь к огню...

Или к источнику утоляющей жажду влаги,
что спасает жизнь путнику, блуждавшему сорок лет в песках...
Ты выбросила предо мною белые флаги —
а я позабыл своё имя... заботы свои и страх...

Или то было снежной, морозной зимою,
я закрывал от ветра тебя... дома шубу снимал, расстёгивал сапоги...
Ты везде и во всём, ты теперь навсегда со мною...
Каждый миг тебя вижу и слышу твои шаги...

В клетках памяти обретаем мы бытие,
и для каждого клетка отведена своя...
Даже если о саде неведомом нам поём
и не видим вырытых между словами ям.

На листе бумаги среди молодых могил
оставляешь след запятые былую боль
засыпаешь яму думаешь: ... помоги!
...и тебе помогает. Ты помощи рад любой.

А под утро ты засыпаешь
глубоким сном,
словно снегом – землю,
память и речь. Ты нем.
Рыхлый сон тебе сыплет за шиворот, ты же в нём —
растворяешься, настезь... становишься ты никем

или всем, что одно и то же. Ты вышел в мир,
как выходят в море, стал каплей. Ты – плоть морей.
Ты являешься светом – и, кроме того, – дверьми,
что раскрыты для света,
и стражем у тех дверей...

Возвращаешь память себе, обретаешь речь,
открываешь клетки слов, кормишь их из рук.
Только свободу не можешь свою сберечь,
и продолжаешь обещанную игру.

* * *

моей душе...

...эти строки тебе напишу, для тебя
взял перо и бумагу... (перо зачеркнул я...
потому что смешно...) но запутался взгляд

в знаках речи, скользнул по поломанным
стульям
и проник за окно. И пейзаж за окном
расступился, открыв сокровенные дали.
Оказалось настолько прозрачным стекло,
что неясные буквы за ним проступали...

То ли список заветных для нас журавлей,
то ли строк быстротечных прекрасная пена,
то ли это звезда бесконечных полей,
то ли имя, что птица-синица напела.

Всё исчислено, взвешено, разделено
в тесном мире вещей, декорациях-стенах.
Но открыто в иное пространство окно
из условного быта, предметного плена...

Для чего мне свет солнца и трепет травы,
и вино, пригубив, на траву проливаю
для чего, коль бессмертные боги мертвы...
ты умрёшь... для чего мне трава полевая?

* * *

Ребёнком я знал
что когда-нибудь умру
как умирают все люди
меня больше не будет

Однажды в семь лет
я заплакал среди ночи
смерть неотвратима
исчезновение неизбежно

Теперь знаю о своём бессмертии
Душа подобно бабочке
преодолеет смерть тела
подобно птенцу
расколет скорлупу мира
подобно слову полетит в синем небе

Знаю
или пытаюсь обмануть себя сказкой
перед сном
последним сном

* * *

искушение Богом быть Богом же нам и дано
и из двух состояний мы выберем только одно
мы пойдём по делам или будем расти в высоту

покрываясь листвой открывая мечтой красоту
совлекая покровы – с небес и невест и холстов
среди долгих дорог опрокинутых в небо мостов
мы питаемся светом на этой земле мы стоим
что мы строим под солнцем что стоим пред взором Твоим?
к небу башню возвысив на камнях и в сердце своём
стану богом и храмом в пустыне Я стану царём
Я – стрела в неизвестность к высокому солнцу – рука
бесприютна пустыня и цель далека далека
только волны и камни в пустынях морях корабли
осыпается время... сады затонули вдали...
как же ветрено здесь... и песок забивает глаза
и опасно дышать и смотреть на светило нельзя
Я не знаю где свет на каком Я стою берегу
Я не вижу Тебя Я уже говорить не могу
да и что говорить если временны место и речь
остаётся гореть – или в землю осыпавшись лечь.

Об этом небе сером написать,
или о снеге рыхлом под ногами?..
Пусть будут благосклонны небеса
с далёкими античными богами

к поэту, и пошлют ему с небес
какого-нибудь в яблоках Пегаса,
чтоб тот копытом бил,
и ключ Кастальский сразу
открыл под снегом...
Далее... чтоб лес
вдали чернел, и ель чтоб зеленела...

И птичка певчая о милой его пела
(глагольной рифмою
нимало не стыдась).

Хлеб прыгал в печь,
Емеля правил печью,
вещала щука речью человеческой
и обещала счастье навсегда...

Из льдинок слово
складывалось – «вечность»,
и таяло
на солнце
без следа.

Возвращение

Я иду... (но куда?.. и откуда я вышел? —
то ли из дому, то ли — из прожитых лет...).
Ухожу вглубь себя я: всё ближе,
всё выше;
достаю из кармана свой счастливый билет.

Я потерян — как день, — и забыл о потере,
и стою над вселенной своей
я один,
словно маленький бог в той сплошной Лотерее
от младенческих ливней до полярных седин.

Выпадает то снег, то неожиданная карта...
человек упадёт — как звезда — из окна.
Выпадают из памяти детство и парта.
Выпадает любовь
и строка,
и страна.

Выпадает в осадок билет лотерейный...
белый дым, белый ангел, измученный мой...
Я найду тебя, в снежном саду, Лорелея.
Я вернусь!
Я вернусь, непременно, домой...

...о времени

1.
когда-то время текло
широким потоком
медленно катились
годы-волны
следы моих ног
отпечатывались
на послушном песке
давно их смыло волной
меня всё быстрее
уносит течение
неизвестной реки

2.
становлюсь рекой
растворяюсь в пейзаже
забываю берег
своего детства

...о времени 2

1.
время разлито вокруг меня
сырой ртутью

проступающее в вещах
вечно становящемся мире небытия
в ряби событий на поверхности сознания
как свойства высокоорганизованного духа
озера или зеркала
отражающего
окружающее небытие

2.

время собирать камни
на берегу живой речи
входить в родную речь
погружаться в себя
время считать стекающие
с исчезающего циферблата
минуты
подставлять речи-времени ладони
пропускать сквозь плотные
но
не существующие пальцы
как сквозь стрелки на циферблате
бесплотное
но существующее
время

3.

память – воображение
две половинки сердца
два зеркала
в одном отражается прошлое
в другом – будущее
два письма
или два выстрела
выпущенные навстречу друг другу
одновременно достигшие цели

...осенние яблоки

1.

это яблоко
тяжёлое
налитое силой земли
солнца
яблоко
которому стало бы тесно на тарелке
готовое упасть на голову
новому ньютону
гаутаме
яблоко на запретном дереве

яблоко
ждущее теплоты
твоих ладоней
2.
яблоко ночи
и яблоко дня
сорванные твоей рукой
заполняют
пространство памяти
едва осязаемым
ароматом

* * *

сердце
вырастающее на дереве жизни
сорвано для тебя
легче пуха
тяжелее камня
бьётся в твоих руках
ждёт твоего слова

* * *

снится
умираешь
идёшь за телом
произносишь речь
просыпаешься
но может быть только снится
вновь
умирать
просыпаться

* * *

просыпаться каждое утро
и открывать глаза
чтобы видеть солнце
закрывать глаза
и вновь видеть солнце
днём и ночью
в солнечный день
и когда небо затянуто низкими тучами
смотреть взглядом не отрывая
видеть солнце.

Петрова Марта Викторовна

Больничное

В белом безмолвие бледное солнце
спрячет, когда-то несбывшийся сон,
кто-то уже никогда не проснётся,
ты или я, или, может быть, он...

Небо сжимается в раме оконной,
ветка рябины с худым воробьём.
Мир умещается в лике иконы —
так до весны долежим, доживём,

может, дождёмся и птичьих мелодий,
в сквере звучанья цветаевских строк...
Каждый отсюда когда-то уходит,
разным бывает лишь выпавший срок.

Где-то мой сон заплутал в белозимье,
в млечном тумане проснуться трудней.
Справимся.
Только рассвет принеси мне
старый знакомый, седой воробей.

С этой девочкой вовсе я не был знаком,
просто видел в глазах голубое сиянье,
в лужу влезла девчушка, от мамы тайком,
затаив от волнения даже дыханье.

Там в зелёной воде, что упала с небес,
облаками укутались босые ноги,
и улыбка её в ожиданье чудес,
так манила, как манит к удаче дорога.

Я стоял и смотрел: чуть бочком гражданин
шёл по краешку лужи, скривившись в ухмылке,

а девчушка, как будто следила за ним
и с улыбкой поправила бант на затылке.

В луже ножкою топнув, взболтнула всю муть
и круги по воде разошлись к краю лужи.
– Люди, видите ангелы в лужах живут,
и оттуда, наверно, вселяются в души.

А тепло увлекало дитя к озорству,
ветерок, освежая, струился по коже,
неужели, быть в луже и пить синеву —
не такое уж дело плохое? А, может...

На пепелище – цветы и затишье,
ужас застывший, у ног,
снег окропила «Зимняя вишня»,
чёрный разбрызгала сок.

В мареве лжи, это ль видит Всевышний —
вновь погибает народ,
сок исчерпала весь «зимняя вишня»,
завтра за кем смерть придёт?

Снова погиб кто-то в «Скорой карете»,
кто-то, шагнув из огня,
кто же за жизни погибших в ответе —
тот, кто прошёл стороной,

кто побоялся в глаза глянуть людям,
что потеряли детей,
да, безусловно, всех время рассудит,
мы согласимся затем...

Новые, новые гибели жертвы,
траурный колокол бьёт,
в память погибших свеча плачет в церкви,
каждый молчит о своём.

В трауре все разговоры излишни,
мать поминает детей,
новая где завтра «Зимняя вишня»
станет виною потерь?

Один я здесь – в квартире ни души,
а ведь ещё вчера все были дома,
ещё я помню, как с детьми спешил
в торговый центр в День рожденья Тёмы.

Стоит кастрюля с супом на плите —
его ещё вчера сварила Лена,
из детской я всё слышу смех детей,
но я один, один я в этих стенах...

Кроватка. В ней сынишка спал Данил,
а вот и их зубные щётки в ванной.
Как жить мне одному теперь без них,
один я жив, нет больше Лены с Анной...

Кровать, одежда – всюду запах их,
такой родимый и такой домашний,
как отпустил я их тогда одних,
что нет их рядом – мне поверить страшно!

И вот уже сколочены гробы,
готовы обелиски на погосты,
ах, как хочу сейчас я с ними быть,
а не ходить с цветами только в гости...

Молю теперь я Бога каждый час —
Дай счастья всем им в Царствие небесном...
Пусть ангелы заботятся о вас,
и, лишь благие окружают вести.

У зимнего окна мы вспоминаем детство:
меж стёкол ватный холм, да искорки слюды,
вновь чай с малиной нам, как от печали средство,
пока метель крадёт за окнами следы,

летая на метле со сказочною свитой,
как в детстве раскачав стекляшки фонарей,
и мама вяжет вновь с оленем тёплый свитер,
и, кажется, метель от этого добрей.

Закон неумолим и мы во власти цикла,
и кто-то, но не мы, сегодня у окна.
Ах, сколько волшебства к нему опять приникло
и от метельных грёз, как в детстве не до сна.

Снег, а тебе здесь не рады,
сидел бы ты лучше дома,
разглядывал туч наряды,
мучаясь лёгкой истомой.

А дети тебя мочалят,

ответь, для чего ты выпал,
и это твоё молчанье
хуже, чем крики у выпи.

Таешь под чьей-то подошвой,
будто сожжённый лампадой,
снег, вниз не падай больше,
сверху смотри и не падай.

Но вновь шагает он следом
запечатляя все лица,
видимо, смысл жизни в этом,
чтоб умереть и родиться.

Мне кажется – мир закончился
и поздно начать всё заново,
все злые сбылись пророчества —
зима свой закрыла занавес.

Ушли с сожалением зрители,
театр стал пуст за мгновение,
цвета все ушли, так и видели,
лишь смолкло куплетов пение.

Реприз у природы много, но
зима – драма говорящая,
за аплодисментов гомоном
всегда тишина знобящая.

Заблудились

Как-то, я ошиблась этажом
в здании, да в нашей горбольнице,
этот новый, очень скучный дом,
где ночами очень плохо спится.

– Как пройти отсюда на массаж?
– А, Вам надо выше и направо.
Поднимаюсь, вот второй этаж,
За стеклом хирурги-костоправы.

Нет, не здесь, а это что за вход?
(осторожно заглянула в щёлку)
– К нам нельзя! У нас сейчас обход!
И не нужно здесь стоять без толка!

– Вы к кому? – спросили у меня,
– а, наверно, Вы из меценатов,

или, может, чья-то Вы родня?
Да не стойте, Вам сюда, в палату.

Ладно, почему бы не войти,
Раз все так активно приглашают...
– Господи, куда твои пути
Приведут меня, к какому краю?

Грудь сдавила мертвенная тишь,
ожиданье обняло за плечи,
из палаты вдруг, смотрю, малыш,
осторожно вышел мне навстречу,

года два от силы, может, три,
увидал меня – пошёл обратно.
– Стой, хороший мой, ты посмотри!
Но мальчишка забежал обратно.

– Девушка, не стойте у дверей,
вот, располагайтесь, проходите,
здесь палата отказных детей —
это Анжелика, это Витя!

– Отказных? Что значит – отказных?
– Господи, ну бросила их мама,
Вы хотите посмотреть на них?
Нет, тогда не стойте здесь упрямо!

Надо мной разверзлись небеса,
помню лишь, как шла по коридору,
по щеке упрямая слеза
покатилась, застила свет взору.

Пять кроваток у стены стоят,
дети спят в них – тихо, безмятежно
и румянец на щеках ребят
с солнышком с небес играет нежно.

Я беру на руки малыша —
ой, штанишки мокрые – бывает.
– Нет, не надо плакать! -чуть дыша
говорю и слёзы утираю.

Девочка, хорошая моя —
я целую мокрые ладошки.
«Мама!» «Да, сегодня мама – я!
Ну не плачь! Остановись, Серёжа!

Больше не могу сдержать я слёз,

поправляя сбитую подушку,
и опять грызёт один вопрос:
– Где же мать – беспечная кукушка?

Милые мои, ну как же так,
как без мам тут оказались дети?
Жизни их, отнюдь, ведь не пустяк,
где их мамы? Как потом ответить?

Как-то я ошиблась этажом
в здании, да в нашей горбольнице,
ночь, гроза и этот серый дом
мне теперь ночами часто снится.

Сторожа души – муки совести...
Меж глаголами «сметь», «не сметь».
В чём измерить, какой весомости,
им ни жизнь не страшна, ни смерть...

Жизнь – кроссворд в миллионы клеточек
из эмоций, понятий, чувств,
но познания предков светочем
сквозь века нам ответят пусть:

По каким нормативам судятся
все «хочу» там, где есть «нельзя»?
Почему на сознанья улицах
нам не в силах помочь друзья?

Философия – дело тонкое,
но идею, что по душе,
не сменю на монету звонкую,
ни от Сороса ни Пуше...

Наша совесть с мечтой давно уже
наравне, как заря с луной,
и судьба расписала за нас сюжет,
предоставив нам выходной.

Памяти В. Л.

Он догорел свечой в ночи,
но сохранится вечно память,
всегда он будет рядом с нами,
давайте, вместе помолчим!

Он жив, он жив в людских сердцах,
тех, что всегда с ним были рядом,
с небес теперь, на нас он, глядя,
нам будет звёздочкой мерцать.

Что время лечит – это ложь,
оно не зарубцует рану,
и вновь поэт, как нищий странник,
в мир грёз безоблачных стал вхож...

Вы были молоды и крепили Ваши «Крылья»,
«Ковчег» опорой для поэтов стал,
и конкурсов большая эскадрилья
им помогла взойти на пьедестал.

Но вносит время в мир свои поправки,
хоть не всегда согласны люди с ним,
и многих жизнь отправила в отставку,
но Вас всегда мы помним, любим, чтим...

И не забудется во веки имя Ваше,
доколе будет жив в миру пиит,
любому он о Вас лишь слово скажет,
и каждый Вас и вспомнит, и почтит...

О Вас всегда пусть светлой будет память,
Вы живы в наших душах и стихах,
и Ваше творчество навеки будет с нами,
и грусть о Вас – чиста, светла, тиха...

Учитель мой, я снова перед Вами
стою, как первоклассник у доски,
не выразить печаль мою словами
и сердце, будто сдавлено в тиски.

Я разговор наш поздний и прощальный
теперь не в силах позабыть, как то,
что мы всегда друг-другу обещали —
не оставлять во веки дар святой,

тот, что нам дан был от рожденья свыше,
чтоб мысли мы могли связать в стихи,
надеюсь, ты меня, учитель, слышишь,
ввысь улетаю от оков мирских.

Я знаю, верю – встретимся мы снова
когда- ни будь, на жизненном пути,

ведь все мы живы, если живо слово
когда-то, что смогли произнести.

По жизни мчал во весь опор,
ногайкой время погоняя,
и, злой молве наперекор,
он с птичьей удалился стай.

Вполсилы жить – не про него,
он нёс поэта имя гордо
и крест покорно принял свой
финальным жизненным аккордом.

Он, будто сам себя распял,
у края самого обрыва,
и отразилась меж зеркал
вся жизнь его письма курсивом.

Капашев Марат Кабдуалиевич

Ну почему бы мне не родиться фараоном-
Каким-нибудь Псамметихом двадцать шестым?
Щупая жриц, на Изиду посматривал я бы влюблённо
И думал, что плоть небожественных- жертвенный дым.

А потом бы построил себе огромную пирамиду,
Загубив сто тысяч рабов, сто тысяч веков.
И, лёжа в саркофаге, слушал и слушал себе " Аиду»,
В грядку вечности вросши, как репа или морковь.

И предавался не воспоминаниям- размышлениям.
Не о жизни и смерти, что всё – суета сует-
О том, что готику женских ног венчает свод вождления.
Но позднюю готику придумал уже не поэт.

Попытка тоста.

Когда умрём – обмен веществ
Любых и разных – прекратится.
Пока среди живых существ-
Давайте пить и веселиться.

Всё менее ретиво ретивое.
Кровь красная не так уже красна
Лишь одного: оставили б в покое
Хотел, хочу и, к счастью для меня,

Всё ж оставляют. Выхожу в дорогу,
Всё в тот же путь, что блещет и кремнист.
Дорога в никуда? Дорога к богу?
Кто скажет мне, какой криминалист?

Капелька вечности на твоей ладони:

Не то снежинка, не то звезда.

Как амфоры афинской горло,
Струясь к неба синеве,
В себя сжимая тело моря
И человеческой траве

Чернофигурную доверив
Борьбу титанов и богов,
Дном моря Леты дно измерив,
Как смертью- нежную любовь.

Музейным мраморным палатам
Соседство мидий предпочтя-
Эллады сон, певучий атом
Того, ахейского дождя.

Один, один, но одиночество —
Как красное зерно граната.
И если не содержит творчества —
То всё ж, хранит покой в пенатах.

Привет тебе, о одиночество —
Благословение земное.
Не громогласное пророчество,
Пророчество совсем иное:

Цветок возрастает в зноя мареве,
Его дождями поливает.
А если не дождёмся зарева, —
То посочувствуем: бывает.

Но всё ж хранится в одиночестве
Возможность этого цветения.
Так воздадим за доблесть почести,
Как и положено растению.

Открыты шлюзы сна,
Сознание уносит
В тот заповедник тьмы,
Запретного соблазна,
Цветут где ярко – красные кувшинки
На изумрудной как огонь воде;

Любитель книг —

Я завещаю тысячу томов.
Чем хуже это тысячи домов?

Королевы твои постарели давно,
В винный камень твоё превратилось вино.

Уши ватой застлала тебе тишина
И небывшая снится ночами вина.

И тоскуя, тоскуя о чём-то своём,
Среди ночи во сне льёшь ты слёзы ручьём.

Жизнь прошла, как проходит гремящий состав,
Полустанок врасплох среди ночи застав.

И опять тишина, тишина, тишина...
Жить- не страшно, тем более- смерть не страшна.

Всех снов холодные носы
В ладонь мне тыкались устало,
Качались лунные весы,
Горели свечи вполнакала.

Звезда мигала мне с небес,
По льду из тьмы стучала рыба,
Весь в белом хлороформе, лес
Шептал невнятно мне: " Спасибо»

И плавилась моя душа,
И слёзы орошали очи.
Молчала вечность, не дыша,
И бой часов, средину ночи

Пробив, отнюдь не умолкал
И музыка не умолкала
Судьбы неведомых лекал
Познать значение алкала

Моя душа: из серебра
Визжали по небу полозья.
И ночь, строга и недобра,
Свисала с неба звёздной гроздью.

Пусть говорят: любовь слепа,
Но к счастью лишь одна тропа.

Скажу, что ниже всякой критики
Воры, путаны и политики.

На сотни каратов мои жемчуга,
Кроваво, как пламя, играют рубины.
А я пожалела зачем-то врага,
Зачем- то его называла любимым.

Зачем-то я сыпала зелье в бокал,
К нему посылала свои паланкины.
А он- моё сердце в отместку украл
И так же играл, как с сердцами другими.

А он мне смеялся открыто в лицо,
И в грязь- жемчуга, и под ноги- рубины.
Признаюсь: недаром он слыл храбрецом,
Любимый мой враг и соперник любимый.

Я всё бы стерпела. Но он изменил.
И небом он клялся обычной рабыне.
И час его смертный тогда наступил
С моею тоской и слезами моими.

И вот их уж нет. И не будет уже
И неба врата отворилась пред ними.
Но, плача, в своей я признала душе,
Что я бы хотела быть просто рабыней.

В спираль закручена ракушка,
Зыбка медузы пелена.
И шепчет валунам на ушко
Совсем случайная волна.

И берег падает покато,
Невнятен голос глубины.
И всё меняется, пока ты
Свои досматриваешь сны.

Пришёл однажды мой сосед
И утащил велосипед
Однажды попросил утюг
Вернуть, как видно, недосуг
Просил крупу, печенье, чай
И все- как будто невзначай
Моей он удочкой рыбачит,

А это что-нибудь да значит
Моей он ложкой ест пельмени
И в чай кладёт моё варенье
Для дочки взял ночной горшок
Жене – стиральный порошок
Себе – костюм, трусы, подтяжки,
И, как всегда, вздыхает тяжко.
Он целит на мою машину,
Но ночью проколю я шины
Он хочет дачу и гараж
И постепенно входит в раж.
На кухне меряет метраж,
Унёс картину и витраж.
Он спит теперь с моей женою
И корчит рожи за спиною.
А я – смотрюсь в его трюмо
Убить? Но пахнет здесь тюрьмой.
Простить – но это выше сил.
Подумал – и жену простил.
Забрал гараж, забрал машину,
Трюмо, подтяжки и картину,
Утюг, трусы, велосипед.
Остался с носом мой сосед....

А мне б проснуться на рассвете,
И в полуяви- полусне
Почувствовать всей кожей ветер,
Почувствовать прохладу мне.

И, улыбнувшись в полумраке,
Пасть на подушку головой.
Ведь Одиссей плывет в Итаку,
И Пенелопа ждёт его.

Они сошлись: Кирпич и камень
Лопух и роза. Трут и пламень

Вино и пиво, газ и воды,
Шампунь и мыло, крем – и сода,

Лиса и заяц, Биттлз и АББА,
Рука и палец, полк и баба,

Крючок и рыба, рак и щука,
Палач и дыба, аз и буки,

Печаль и уксус, мёд и мишка,
Самец и мускус, рот и пышка,

Поэт и рифма, Блок и Тютчев,
Сатир и нимфа, рок и случай.

Бычок и тёлка, зной и стужа,
Стог и иголка, ещё к тому- же:

Бычки – с томатом, с дорогой- скатерть,
Признание- с матом, с деревней- лапоть.

С ворьём- малина, с собакой- кошка
С враньём – былина, пирог- с морошкой.

Ключи- с квартирой, малыш- с игрушкой
Простите, милый, но я не Пушкин

Пусть спор сей вечен- я знаю только
Из этой встречи не вышло толка.

Сказание о Ленине

А Ленин был из нашей деревушки:
Простой свинарки сын и пастуха.
Доныне умиляются старушки,
Что не имел с девчатами греха.

Он их жалел и говорил: " Не я коль-
Так кто ж их пожалеет в жизни сей?»
Бросал с плота валун с верёвкой – якорь
И удочкой тягал он карасей.

В ночное ездил: он любил рассказы, —
Отцовы гены! – лошадей любил,
Боялся чура, черных кошек, сглаза
И медный крестик на груди носил.

Чтил масленицу, пост великий после,
Сворачивая в трубочку блины,
Макал их в масло. Если были гости-
Не вытирал он руки о штаны.

Ходил к причастью, и в законе божьем
Сильнейшим в школе был учеником
Любил ватрушки с молоком он козым-
И вообще со всяким молоком.

И, видя буку, говорил он: " Бука»,

И, видя бяку, говорил: " Говно».
Как атеист, он уважал науку.
И, как аскет, не уважал вино.

Не пил и не курил. Зарядку делал
И снегом обтирался по утрам
Не верил в бога, в диамат же верил-
Поскольку он его придумал сам.

Любил он собирать в лесу грибочки,
Солить и жарить с мясом и лучком.
И пел он "Варшавянку" с Кржижановским-
Друг ситный Глеб и будущий нарком.

Любил вязать и вышивать на пальцах,
Гаданье в святки, пляски, хоровод.
Любил не токмо над собой смеяться —
Аж надрывал животики народ.

Вот так он жил и в одночасье умер,
Ботвиньи с пирогами переев.
И звёзды по-другому в полнолунье
Вдруг встали, и совсем другой посев

Назначили земле: цветёт Россия,
Опричь неё и пять шестых земли.
Ульянова Володю все любили
И ни за что его б не нарекли

Ни Лениным, ни Ильиным- так сколько ж
Личин носил один лишь человек?
Он стадо собирал рожком на зорьке
И пригонял под вечер на ночлег.

Во втором сериале
Ещё будет кино.
То, что недосказала-
Мне услышать дано.

То, что я недослышал-
Это ветер унёс.
Он срывает и крыши,
Что ж с признаний возьмёшь?

Во втором сериале
Ты полюбишь меня,
Как ещё не влюблялись
Верно, с одного дня

Что Ромео с Джульеттой!
Что с Изольдой Тристан!
Коль скользнуло кометой
По прекрасным устам

Слово: выдох, вбирая
То, что выдохнешь- вдох.
А потом повторяют
И пространство, и бог.

Заполняя пространство,
Восхитив божество,
Ослеплённая, в трансе,
Отдаёшь естество.

Если поезд – значит скорый,
Коммунисты – значит воры.

Жить не по правде, не во лжи,
А так, как Нерли и Кижы.

Любовь- на кисточке души,
На самой дальней, на излёте.
А то, чем на неё грешим-
То не любовь, желанье плоти.

Валентина, точно птица,
Вся в кипящей синеве.
Смех весёлый на ресницах,
Как росинки на траве.

Валентина улыбнётся-
Покачнётся целый мир.
Валентина засмеётся-
В тридевятом царстве пир.

Так живу: то грусть, то радость.
То печаль, а то аж две.
Что-то будет мне наградой? —
Мысль мелькает в голове.

И уходит, точно тени.
В жаркий полдень облаков,
И бросает в жуть, в смятенье
Легкий цокот каблучков.

Моря синь в ажурной пене
Вся просвечена лучом.

А о чём стихотворенье?
Да, наверно, ни о чём.

Где-то было что-то хорошее-
Да уплыло как в речке вода.
То ли с неба звездою непрошеной
Отразилось в реке как звезда.

То ли снегом залётным и тающим
Чуть коснувшись горячей щеки.
То ли ангелом в небе рыдающим:
«Ну, какие же вы дураки!»

* * *

Колонны дорический ордер,
Разрушенный встарь Парфенон
Горит, как языческий орден,
Всего человечества сон.

Мы жили тогда под эгидой
Хоть гневных, но добрых богов,
Терпели от них мы обиды
Не терпят каких от врагов.

И эти роскошные были
Запомним на все времена,
Ведь горстка аттической пыли
На всю ойкумену одна.

* * *

Кордоны звёзд
в пространство голубое
просыпаны. Аттическая соль
сверкает и согласна на любое
из продолжений, заклиная боль.

Кружатся золотые метеоры
и сеют всюду сполохи огня,
и тучек в небе серебрятся шторы,
и кончена столетняя война.

И розы алой с белой распря тоже
Закончена. Лишь
праздничный салют
румянит небо, делает пригожей.
И боги по заслугам воздают

всем Цезарям и всем Октавианам,

и Клеопатра мучает змею,
чтоб яд добыть, но поздно или рано
всем по заслугам боги воздают.

И ты в толпе царей простой лишь странник,
среди дервишей, пророков —
просто маг,
вего глухонемая обезьяна
с папирусом или свитками бумаг.

Но медное пространство рассекая
событий гордых огненным мечом,
ты истины простые извлекаешь,
толкая время голубым плечом.

Бокал наполни каплями цикуты,
и вновь его Сократу поднеси.
Кровавая гладь
священной Брахмапутры,
плывут костры в рассветные часы.

Натянут безупречно неба парус,
плениет глаз туюю синевою.
Не знаем мы:
жить сколько нам осталось.
Но каждый рад, что всё-таки живой.

* * *

Осенние листья летели
Ковром на озябшую твердь,
В поникшем саду иммортели
Ещё продолжали гореть.

К походу готовились птицы —
Лететь им ещё на юга
И жизнь продолжала мне сниться,
Блошинные эти бега:

Искать себе пищи и крова,
Искать себе счастья и слёз —
Всегда заморочки с любовью,
Всегда это трудный вопрос.

Шугой уж створжились реки,
Подёрнулись лужи ледком.
Обыденно так всё навеки,
И каждый ведь с этим знаком.

За осенью следуют зимы,

Приходят на срок холода
И стих, бесконечно любимый,
Рождался во мне иногда.

И я благодарен был Богу
За этот немислимый дар —
Как мало и как это много
Тому, кто от жизни устал!

И я благодарен навеки
Всему, что уйдёт без следа,
За то, что закроют мне веки,
За то, что горела звезда

Моя, пусть не яркая очень,
Но всё же горела она.
А то, что был в песнях неточен,
В том каюсь, моя лишь вина.

* * *

Уж такая страна Россия,
Не объять в ширину и в длину.
Только нас ни о чём не спросили,
Зубы сжавши, идём ко дну.

Одиночество – вот наше знамя,
Обречённых отчаянных бунт.
А за нами и взрывы и пламя,
Отступая, родимое жгут,

Чтоб врагу не досталось ни крохи.
Что поделать, страна велика!
Из Америки символ эпохи —
Факел медный вздымает рука.

Но грозить нам войною напрасно,
Мы привыкли всегда воевать.
Даже Гудвин великий, ужасный
Не сумеет уже напугать.

В остальном, прозябаем и крохи
С президентского ловим стола.
То ли нам хорошо, то ли плохо,
Вот такие, дружище, дела.

Всё равно хвост держу пистолетом,
Я ль не русский, крепка моя статья!
Похвала прозвучала б наветом,
А навету хвалой не звучать!

Корниенко Анатолий Аркадьевич

Там...

«Там на неведомых дорожках...»

А. С. П.

Там край берёз и времени обоз.
Оно медведем бродит по пространству
огромному. Джек Лондон там не рос
и Лютер Кинг свой крест не нёс для братства.

Там тот же дуб с зелёной головой
и цепь в прямом и переносном смысле.
Кому золотая, а кому конвой
блестит по жизни или въелась в мысли.

Там сказки любят не про дурака —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.